

Вячеслав Киктенко

**Волшебные
СТИХИ**

Вячеслав Киктенко

Волшебные стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56953768

ISBN 9785005116093

Аннотация

Есть Волшебные сказки. Почему не быть Волшебным стихам? Заклинания, заговоры, считалки, отойдя из «взрослой» жизни к детям, все эти «Вышел месяц из тумана...», «На золотом крыльце сидели...», детские игры: прятки, жмурки, кандалы корнями прорастают в дальнейшее, становятся образами жизни, её микромоделью. Зернышко вырастает в колос, колосится огромное поле, а поступки, их причинные подосновы – те же. Игры детства, раскручивающиеся по спирали, разрастаясь по жизни, в основе не изменяются.

Содержание

ВОЛШЕБНЫЕ СТИХИ	5
СТАРЫЙ ДВОР	11
РАННЕЙ ВЕСНОЙ	14
ГИМН ПТИЦЕ	16
НЕЖНОСТЬ	18
КОЛОБОК	19
ЛУННАЯ ПОЛОСА	20
ВЕЧЕРА ВЕСЕННИЕ	23
СТАРЫЙ ТРАМВАЙ	33
СУМАСШЕДШИЕ ДЕРЕВЬЯ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Волшебные стихи

Вячеслав Киктенко

© Вячеслав Киктенко, 2020

ISBN 978-5-0051-1609-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВОЛШЕБНЫЕ СТИХИ

Краткое предварение

Есть Волшебные сказки. Почему не Волшебные стихи?

Заклинания, заговоры, считалки, отойдя во владения детства из области вполне «взрослой» – ритуальной, все эти «Вышел месяц из тумана...», «На золотом крыльце сидели...», многие другие, как и старинные детские игры – прятки, жмурки, кондалы – корнями прорастают во всё дальнейшее бытие, становятся образами судьбы, оставаясь её неизменяемой микромоделью.

Зернышко вырастает в колос, колосится поле, а поступки, их причинные подосновы – те же. Игры детства, раскручивающиеся по спирали, разрастаясь по жизни, в основе не изменяются.

Сборник стихотворений состоит из трех частей-книг. Собственно «Волшебные стихи» перемежаются с наиболее близкими к ним по музыкальной основе.

ВЯЧЕСЛАВ КИКТЕНКО

**На часты звёзды взираючи,
Со воды узор сонимаючи...»**
Из старинной песни

***

Кто пасёт на лугу золотых петушков,
С перелётными гусями свет сторожит?
Кто зарницами вспыхивает из-за стожков,
Вечным облаком сердце кружит?..

Что-то вспомнилось мне из далёкой дали,
Из такой старины-глубины,
Что не вспомнить уже – то ли это с земли
Подымались волшебные воды, и шли,
Золотясь и волнуясь, в подлунной пыли,
И сквозь сердце прошли,
Через небо прошли,
Сквозь родные,
Ночные могилы прошли...

То ли вечные, отчие сны...

***

...и приснилась вода,
Золотая вода,
И стояла вода на траве,
И траву обтекала,
Ибо в кончик воды
Упиралась звезда вертикально.

Шёл от этой воды гипнотический свет,
Ибо просто воды на земле уже нет,
Есть вода чтоб над ней по ночам колдовать,
Есть вода чтобы детям её целовать,
И вода чтоб забытые сны навевать...
Сон-травой этот омут продет.

Не кольчугу на плечи надела трава...
И живёт у травы над водой голова,
И рука, и копьё со звездой,
И гуляет туман у неё в рукаве,
Как дружины, туманы стоят в голове.
Хорошо им стоять над водой!

Словно вышел их срок,
Словно нету дорог,
Словно нету забот и тревог.

А одно равновесие есть у земли.

А шелом над водой,
А копьё со звездой
Из далёкой былины взошли.
Из далёкой былины взошли...

И стояла вода,

Золотая вода,
Поднималась вода,
Ибо не было уровня моря и не было веса...
И стекала туда
По травинке
Звезда
Поднебесья.

***

В кирпичном углу двора.
На тёплых камнях.
Звёзды выносят небо,
Небо уходит в полынь
И шумит за сараем, где пыльно и тихо
Сверчки старят время.

Время брёдет в траву,
Трава наполняет нас,
Мы – её голоса.
У каждого – свой черёд,
И не у каждого – час...

Вот-вот,
Сейчас я распрямлюсь,
Стану большим-большим,
Сейчас я буду долго-долго жить...

...пряди же, сверчок, свою тихую речь, —
Сучит свою шумную нить:
Про голубой дом,
Про зелёный чай,
Про золотой свет
И весь белый свет...

Про белого бычка,
Про серого сверчка,
Про страшный тот — в копыте —
Гвоздь,
Про сон кирпичика...

***

...и нервное крон разветвленье
В цепи оголённых стволов,
И первое ошеломленье
Искрящих, сцепившихся слов,
Когда за нечаянным сдвигом,
На вывихе зренья, строки,
Шатнёшься, подкошенный свингом
Новизн, горизонтов, тоски,
И бродишь по лужам, хмелея,
И ловишь улики окрест:
Трамвай ушатило в аллею...

Ветла ковыляет в подъезд...
И бродишь, и прячешь улыбку:
Всё ясно, мир съехал с опор...
Но кто расшатал ту калитку?
Кто луч просверлил сквозь забор?
И вздрогнешь, увидев зазоры,
Присев на поленницу дров:
Чреваты не эти заборы,
Не надо, – искрит из миров!..
И видишь вдруг всю подоплёку,
Расклад настоящих улик,
Где брат переменному току,
Прерывистый луч – только блик,
Лишь отблеск того, что в накале
Покажет, помедлив слегка,
Всё, чем так надменно сверкали
Трамваи, стихи, облака.

СТАРЫЙ ДВОР

В звёздах сумерки. Прутья крон в росе.
И сарай дровяной, и лестница...
Время замерло в сумерках. Ворон сел
И осыпалась дров поленница.
Тут задвигалось время, и вдруг – пошло.
Дирижабли в небо отчалили,
И канатами беленькими
Светло,
Точно ниточками, качали.
Заплывали в сад. Пили влагу с крон.
(А деревья в росе – бокалами.)
Наклонились, прогнали с ветвей ворон,
А с ветвей как закапало!
Капли били по доньшку нежному,
Раскололи детство – звёздный сосуд.
Вон с колонки, с задворок
По-прежнему
Только воду несут.
Старый дом. Старый двор.
И на горке дрова.
Всё на горке, рассыпаны так.
И ползёт, задыхаясь, сырая трава
Через угольный шлак...

Но осколок блеснул, но другой заблестел,
Наклонился – а взять не с руки.
Постоял, постоял, всё заплакать хотел,
Черепки, черепки...
Дирижабли стоят поплавками.
Висят
Нити белые, как над водой...
Снится сон. Снится жизнь. Снится детство,
И сад
Полон звёзд и росы молодой.

***

А под землёй, под первым грузным пластом,
Если срезать его – тоннель.
Он весь в проводах сплетённых корней,
Там червь идёт как тяжёлый состав,
Там плафонами матовыми панель
Вспыхивает, оголена...

И медленно озаряется чёрный дом
Всех мёртвых и всех живых,
И ясно становится, что к самому ядру
Подключены провода;
Они идут, разветвляясь вниз,
Как сутулые молнии, их

Добела перемывает молодой чернозём
И грозовая вода.

А над землёй, над сочными снами травы
Его высочество – Сад!
Он величав, и ветви его
Благородные посланцы корней.
Они выносят цветы на руках
В окруженье свежей листвы,
Они приносят золотые плоды
На праздник осенних дней.

Жизнь идёт по гулким, сырым корням,
Как чёрный поезд идёт,
День идёт сквозь ночь по тоннелю мглы,
Как шахтёр с фонарём, тяжело.

И поднимается – из глубины —
До самого солнца, окрест,
До самого сердца, до тишины,
До песни —
Когда светло.

РАННЕЙ ВЕСНОЙ

Милая, свет на улице!
Тоненькая звезда
В звонком закате колется
Лучиками льда.
Слышишь, деревья ёжатся,
Смотри, воробьиный грай!..
В рулоне заката, кажется,
Вывернут розовый край.

Гляди, начало смеркаться,
Стаи тяжёлых птиц
В ночь увлекают солнце
Клинописью страниц.

К ночи – лучами в улицу —
Бьётся о корку льда,
Колется не расколется,
Только растёт звезда.

А если воздух подрастёт
И свету в горло наберёт,
Настанет ночь наоборот
И снова станет день.
Опять на улице тепло,
И воробьиное светло

Деревья пухом обмело,
Растормошило пень...

***

Росла трава, росла звезда,
А ты смотрела на звезду,
А в небе синяя вода,
В апреле, раз в году...

Трава вставала из земли
И тёрла сонные глаза,
Мы как умели, как могли
Росли с травой в небеса.

Росла трава темней чем лес,
И стало страшно нам с тобой,
И опустились мы с небес,
И были приняты судьбой.

Живём. А если не болят
Глаза, не утомляет мысль,
Всегда узнаем голос, взгляд,
Когда весной посмотрим ввысь, —
Там наши тени поплывут...

Всё нас по имени зовут.

ГИМН ПТИЦЕ

Птица сильная, птица красная, чистый гром-огонь,

Ты ли светлой молнией прянула в тёмный дом?

А не ты ли мне кинула такое перо на ладонь,

Что полыхнуло кругом!

А в пере том плещутся волны, валы огня,

Тайная в нем живёт тишина, куполом-златом гудящая,

А не про тебя ли говаривали – ступицами лучей среди дня

По сквозь видимому ходящая?

Птица чудная!

Ноги красные из тележных колёс

Выпростаешь – и катится с крыш колесо.

Птица грозная!

Чёрным железом нос

Выточишь-выкуешь – и выдолбишь вся и всё.

Птица светлая!

Сядешь на вербу – коса

Льётся-светится от небес до земли.

А когда в ночь-полночь не видать ни зги,

Глядь, – из пёрышка Свет! —

Ровно твой дом изнутри зажгли.

Грудью ли мощною разбивала дуб-стародуб в щепу,

На яйцах ли золотых, катаемых облаками, высиживала

огольцов,

Крылом покрывала полмира, а потом опять на том же дубу,

На дубу молодом качала ярких птенцов.

Долго думал я – что за птица залетела ко мне

Из Алтайских гор, из дремучих лесов, из высоких неб,

А потом додумался: если птица – огонь, то не сгорит в огне,

Не измокнет на дне, не утонет во сне, и вообще никакого не

В ней не бывало – и нет!

Эта птица – Да,

Эта птица всегда

Озаряет моё окно,

И сердце моё, и весь мир

Озаряет, пускай отчасти,

Эта птица умеет нести одно,

И всегда умела нести лишь одно

Счастье.

НЕЖНОСТЬ

Мир нежностью старинной опоясан.
Вселенная луной опоена.
А мир луны таинственен и ясен,
А нежность ослепительно грустна.

В такую ночь
Два заповедных круга
Вдруг мерцают зеленью во мгле.
Мне вспомнится старинная подруга,
Прибежище печали на земле.

Её глаза пустынные
Едва ли
Наворожили зла моей судьбе,
Они сужались в гневе,
А в печали,
Чужие,
Жили сами по себе.

И так ушли...
Но что-то в этом мире
Вдруг мерцает зеленью во мгле...
То нежность, растворенная в эфире,
Ночами опускается к земле.

КОЛОБОК

Ночь толкнула легонько по крыше
Колобок – золотой-золотой...
Над трубой, над пекарней, всё выше
Выше, выше – во мгле молодой
Он катился, белее и глаже
Становился, крутясь в облаках,
Как в сметане и, кажется, даже
Уменьшался, взрослея, и пах
Всё слабей хлебным духом...
Он рыжей
Зорьке сладкий подставил бочок
Над чужой, над холодной крышей,
И пропал.
Вот такой дурачок.
...горько-горько в пекарне, за нишей
Плакал с вечера старый сверчок.

ЛУННАЯ ПОЛОСА

Давно подбиралось начало.
Средь всей мировой глухоты
Была только ты. Замолчала
И ты, дорогая, и ты.

Я думал, бывает иначе.
Я верил тогда в чудеса.
Но за полосой неудачи
Лежала ещё полоса.

И я как в туман, в наважденье,
Не видя вокруг ничего,
Вошел в полосу отчужденья
Не мира уже, – твоего.

Наощупь – остаться бы живу! —
Я шёл под волнами луны,
Вне лунных полос – по обрыву
Её теневой стороны,

Полночи затмившей громадно.
Я шёл по пути одного.
Героем? Бог весть. Но романа,
Похоже, что не твоего.

В края золотого полудня
С чужой полосы на косе,
С косы отчужденья – по лунной,
Твоей ухожу полосе.

***

Как из тумана острова,
Из песни, проступив едва,
В немую даль
цепочкой темной
Перебираются
Слова...

Перебирается душа
Из обиталища души,
Как пробираются, шурша,
Сквозь репродуктор мураши.

Когда бы вспомнить и понять
Что заставляет лес линять
И кожу сбрасывать змею,
Мы тоже поняли б свою.

Рубашка – к телу, к пенью – речь.
И кабы жить не согреша
И петь – рубашку, плоть сиречь,
Изнашивала бы душа?

Шуршала бы, как лес шуршит,

Когда ползет в него змея
И древний ужас ворошит
Разоблачившегося Я?

***

Ночь озаряет пчелиные ульи
И разоряет медовые соты.
В неразорённых – ещё не любили.
В неозарённых лютуют, несыты.
Соты погасли, лампы, светила,
Гроздь семян, лоно тяжко взрывающих...
Боже, храни их Пречистая Сила,
Вечность незряча, а Ты призреваешь их.
Ты пощадишь их, один в целой вечности,
Души немые и непреткновенные.
Ночь сладострастна

от бесчеловечности.

Страсть человечна...

от жути, наверное.

ВЕЧЕРА ВЕСЕННИЕ

Свистень, перстень, уголёк!..
Помнишь? – липкий тополёк.
В тёплой дымке, в лёгкой плёнке
Путается мотылёк.
Воздух памяти латая,
Он летит, не долетая,
И садится, и сидит,
Белым домиком глядит.

Свистень, перстень, белый дым!..

И становится седым.
И в коре, не долетая,
Умирает молодым.

Только азбука жива,
Только, разве что, слова
Всё ещё свистят и блещут,
Ну одно, ну, может, два, —
В плёнке, в кожице, в дыму...

Кликнул их по одному:
Свистень! Перстень! Уголёк!..

Плёнку дёрнул
И совлек
С дымных вёсен молодую
Жизнь, так нежно завитую
В память, в меловой кулёк...

Лопнет ветка тополиная.
Запнётся мотылёк.

***

Старый дом моё сердце тревожит.
Нас любили в нём так, как, быть может,
Никогда не полюбят. Но в нём,
Как в яйце, вглубь ларца заключённом,
Что-то в полночь мерцало точёным,
Донно свищущим, жально злачёным,
Из подполья сквозящим огнём.

Дом тот полон ещё привидений.
Там под вечер качаются тени,
Там летучие мыши снуют,
Там какие-то Страшные Страхи
Ходят тихо в холщовой рубахе
И корявые песни поют.

Истопник его недра шатает,
Дуб корнями его оплетает,
Крышу ворон щербатый крушит,
Вьюга в щели змеится, лютует,
И вот-вот его, кажется, сдует,
И завееет, и запорошит.

Но тужит в нём кашеева тайна...

Он один, в дикой зоне дизайна,
Врос легендой, всем жалом её
В сердце мира...
И ядерный ужас,
Мерным тиканием обнаружась,
Тихо мёртвые ходики кружит,
Цепь заводит за сердце моё.

***

Бабушка-побирушка,
Маленькая, как ведьма,
С распущенными волосами,
По переулкам бродит,
По закоулкам рыщет,
Под окнами свистом свищет,
В ворота ногой стучит,
И палку сжимает в костлявой горсти:

«Ты-ы, – говорит – пусти-и!..»

Не отворяют двери,
Бабушку не пускают...

Топчет бабушка листья,
Точит об камни ножик,
Шинкует, будто капусту,
Слезы внутри котомки,
Шатается,
Приборматовывает,
Шушукается с темнотой:

«А-а, – говорит – посто-ой!..»

Город не любит нищих,
Трясущихся, сумасшедших,
Город от века к веку
Себе грядущее строит,
А нищий, он тот же нищий,
А он не обрящет – ищет,
И свистом пропащим свищет,
И будущее клянет.

Бабушка-побирушка,
Кошмар городских подворотен,
Оборотень, привидение
Крадущееся сквозь века...
Свет ли сияет в камне,
Ставни ли стучат от ветра,

Бродит под окнами кто-то,
«У-у, – говорит – тоска!..»

***

Как страшно стучат часы,
Какие у них голоса!..
Вот это – гудят басы,
Вот это – звенит оса.

Ходит в сутане Бас,
Будто в мундире Нос,
Важно берёт за пульс,
Щупает влажно, и вдруг
Сплюсненным коготком
По циферблату – бац!

И стрелки, сдурев, бегут, колесят,
Шуршат, причитают – взвзброс...

И некуда мне. В упор.
Я заблужусь в тайге,
Я загляжусь во двор —
Там полыхнёт автоген,

Я закружусь по Москве,
В кольца её вопьюсь,

А как жалами стрелки засвищут в траве,
А как застригут – кусь-кусь?

Я закружусь, как вор.
Некуда мне. В упор.

Я солнцем, как шмель, пылиюсь,
Я временем полнюсь, длюсь,
А убежать не могу...
Пусто на том берегу,
Грустно там, я не могу,
Страшные там леса,
Странные там голоса...

***

Как вставала по-над озером трава,
Было дело, закружилась голова,
Настоялась на тумане, на траве,
На дурмане, на глубокой синеве.
А как в небе потянулись облака,
Было дело, потянулась к ним рука,
Дотянулась до былинки золотой,
Полетел с руки комарик налитой,
Закачал свои тяжёлые бока
И ушёл с баллоном крови в облака...
Долго думала о чём-то голова,

Приходили тихо в голову слова
И шушукались, сутулясь, дотемна,
И нахлынула на голову луна...
Было дело в те туманные года,
Пела в озере глубокая вода
И слова тянулись тайны пригубить...

Дотянулись – ни раздумать, ни избыть.

***

Тройка рванула с раската земного,
Тройка залётная!.. У коренного
Был самый пушистый хвост,
Он распукался, такой белоснежный,
В дальней дали, над землёй погрустневшей...
Он колыхался меж звёзд.
А звезды звенели – как будто на ёлке!..
А три одинокие, злые, как волки,
Храпя, раздували пары.
Им все надоело, земля им постыла,
Подлая яма, петля и могила!..
Есть неземные миры.
Там добрые люди, там светлые сказки,
Там звёзды, как дети у елочки, маски
Надели и свечки зажгли,
И от пришельцев себя отстояли...

За руки взялись – и засияли,
И хоровод повели.
Переливается ниточка, вьётся...
На голубую корону кося,
Взвоят бродяги, а та перельётся,
Выльется – в золоте вся!..
Грустная сказка? Я даже не знаю.
Я знаю, печальна планида земная.
Видел меж звёзд колею?
Тройка булатных, буксующих в ряске,
Три самолета из старенькой сказки
Рыщут планиду свою.

***

Чужая даль. Чужая сторона...
Попахивает бегством наступленье
На зыбь и навь, десант в чащобы сна,
В астральный лес, в неявь, наив,
Забвеньё...

Ты посмотри в былые времена,
Там трудный свет. Упорство и терпенье.

Там рудознат, каменотёс, бондарь
Светлеют и восходят друг за другом,
Там женщина, как первый календарь,

Внимательно следит за лунным кругом.

Там движутся наощупь, истемна,
Таинственных борозд не нарушая,
Там по крупицам зреют семена
Развёрнутого к звёздам урожая.

Там на земле и ты уже стоишь,
Но этого не знаешь, и не ценишь...
В прошедшем ничего не переменишь.
В грядущем никого не удивишь.

Шлагбаум мёртв. Кремнист откос. Темна
Чужая даль. Чужая сторона.

***

Как по утренним улицам города
Очень медленные, враскачку,
Ещё с ночи, ещё забывшие
Свет задуть фонарей боковых,

На тяжёлых рессорах пружинящих,
Пассажилов кидающих в спячку,
Проплывают междугородные,
В росах вымокшие луговых.
Там такое вершится таинственное,
Всеми знаемое как будто,

Там колдующих пальцев послушается
Самый сумеречный рычажок,
Там окошки задёрнуты шторами,
А колёса резиной обуты,
И сигнальный – над каждую крышей,
Над кабиной закручен рожок.
Едут тихие, едут грузные,
Голубыми боками покачивая,
Запотевшими стёклами вспыхивая,
Перемигиваются на своём,
Проезжают сквозь город торжественно,
Сонных жителей озадачивая,
И всё глуше перекликаются,
И стекаются за окоём.

И никто не припомнит – автобусы
Проплывали по городу, рыбы ли,
Или так нас планеты заманивают
И неведомые города,

Только город проснулся и выключил
Огоньки предрассветные, гиблые,
Только долго синела над городом
Потерявшая память звезда.

СТАРЫЙ ТРАМВАЙ

Рельсами легко нанизан,
Красной бусиной катился,
Всё звенел, катился низом,
Затерялся, закатился,
Смотрит – города и нет.
Смотрит – поле.
Ну, привет!
Пассажиры закричали:
Трамвай, стой!
Иль не видишь – заворчали —
Травостой...
Пассажиры гомонили,
В колокольчики звонили
И в стальные, и в степные,
И стучали рельсам по...

Их слышали в депо.

Сомневаться не резон,
Это – старый фармазон,
Вольтерьянец, лиходей,
Ишь, куда завёз людей!
Как их во поле сберечь?
Как их в город приволочь?
Только стрелочник, сиречь

Плут и хрыч, сумел помочь.
Он-то знал где узелок,
Он и рельсы указал,
Да за нить и поволок,
И доставил на вокзал
Бусину пурпурную,
Вздорную, дежурную.
В поздний час в углу вокзала
Виноватая стояла.
Подходили к ней не раз,
«Ну-с – говаривали – нда-с,
Шо ж с людьми озорничать?
Шо ж людям-то отвечать?..»
А она себе стояла,
Показаний не давала,
Уцелевший колосок
Прятала под колесом,
Огрызалась – «Шо, да шо!..»

Глаз косил нехорошо.

***

Мы с тобой поссорились во сне.
Ты курила, сидя на диване,
Близилось лицо твоё ко мне,
И как будто таяло в тумане.
Было нам отчаянно вдали
Друг от друга ссориться. Едва ли
Мы с тобою это понимали.

Просто мы иначе не могли.
И твоих подруг метался смех,
И пластинки чёрные кружили,
Только мы с тобой
за млечной пылью
Словно две звезды, вдали от всех,
Таяли, мерцали, говорили...

СУМАСШЕДШИЕ ДЕРЕВЬЯ

Когда белого снегу пожалела зима,
Когда жёлтыми зубами заскрипела трава,
Деревья в саду сошли с ума,
И с проклятьями их побросала листва.

Забегали по саду деревья голые,
Кружились, гонялись за своей листвой,
Скрипели, хватались руками за голову,
Качались, кричали «Ой!»...

А листья летели бог весть куда
И присели на корточки бог весть где,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.